

Всегда новое прошлое

В.Ю. Апрыщенко

А.Е. Иванеско

Д.В. Сень

*Мы тоскуем по твердо установленным историческим истинам,
тем более, что знаем: они не смогут выдержать натиска времени
и их придется изобретать заново.*

Дэвид Лоуэнталь [Лоуэнталь, 2004, с. 9]

Аннотация. В статье представлен редакционный замысел нового научного издательского проекта. Название журнала «Новое прошлое/The New Past» рассматривается сквозь призму ситуации в профессиональной историографии и, в более широком смысле, состояния современной гуманитаристики. Основная идея проекта заключается в том, чтобы рассматривать историю не как сумму свершившихся фактов, а, скорее, как практику и как результат деятельности историка, который всякий раз рождается в его лаборатории. Во второй половине XX века история как научная дисциплина испытала на себе воздействие других гуманитарных наук в контексте эпистемологических поворотов, основными среди которых стали лингвистический, прагматический, антропологический, что увенчалось потерей историей прежней монополии на прошлое. Редколлегия отстаивает идею о том, что новые медиа, форматы массовой культуры и другие игроки информационного пространства привлекают сегодня гораздо более широкую аудиторию к процессу конструирования образов прошлого. Дополнительным фактором современной исторической ситуации является «коммеморативный менеджмент», особенно важный в современном российском политическом контексте. Микроуровень новой исторической ситуации, как она видится авторам статьи, связан с традицией ростовской исторической школы, ученые которой чаще фиксировали свое внимание не на прошлом как таковым, а, вернее сказать, на практиках и техниках взаимодействия с ним. Все вместе

Апрыщенко Виктор Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, victorap@sfedu.ru.

Иванеско Антон Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, a.ivanenko@yandex.ru.

Сень Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, dvsen@sfedu.ru.

это обусловило понимание того, что прошлое – «всегда новое прошлое». В то же время комбинация факторов микро- и макроуровней формирует новые вызовы для современной профессиональной историографии, ответить на которые редколлегия журнала приглашает представителей различных сфер гуманитарного и социального знания.

Ключевые слова: прошлое, историописание, исследования памяти, коллективная память, коммеморативный менеджмент, современная гуманитаристика, междисциплинарность.

The Past Is To Be New

V.Yu. Apryshchenko
A.E. Ivanenko
D.V. Sen'

Abstract. The article is supposing as a programme Manifesto of the journal team. The journal title "Novoe Proshloe/The New Past" has been explaining by means of contemporary issues of historical memory studies and in more wider humanities context. The main idea of the project is to consider history as not a established and prescribed collection of a facts but rather as a result of a historian activity which to be produced in an academic think-tank. By the second half of the twentieth century history as a academic discipline has been influenced by other humanities that resulted in a few "turns" such as linguistic, pragmatic, epistemological etc., and finally history lost its monopoly to explain the past. The authors argue that digital media, Mass-culture and other information actors attract more wider audience in the process of producing the past. The additional factor of the contemporary historical situation is "commemorative management" which is considering by the authors as an important element of history-writing, especially in Russian context. The micro-level of new historical situation, as it considered by the authors, is connected with tradition of Rostov school of historical studies which emphasises rather practices of communication between the past and historian that the

Apryshchenko Victor Yu., Doctor of Science (History), Professor, Director of Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, victorapr@sfedu.ru.

Ivanenko Anton E., Candidate of Science (History), Associate Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, a.ivanenko@yandex.ru.

Sen' Dmitry V., Doctor of Science (History), Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, dvsen@sfedu.ru.

past as such. All together caused the situation where the past is always "the new past". At the same time the combination of micro- and macro factors causes the new challenges for contemporary historical situation, and the magazine' Editorial Council invites academics from wide humanities to produce all kind responses for that challenges.

Keywords: the past, history-writing, memory studies, collective memory, commemorative management, contemporary humanities, interdisciplinary.

Информация о журнале «Новое прошлое/The New Past», размещенная в Интернете, вызвала целый ряд примечательных откликов и комментариев. Продемонстрированный интерес оказался связанным не только, собственно, с новым изданием, но и с более общими тенденциями и представлениями в отношении исторического знания. Одним из наиболее интересных комментариев стали слова А. Саркисовой¹: «Журнал по истории "новое прошлое"??!!!! Аригинально! Чуваки ни разу не палятся») что история бывает слегка новой задним числом. В зависимости от конъюнктуры») [URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid].

Идея создания нового научного журнала в Институте истории и международных отношений Южного федерального университета оформилась к весне 2015 г. Один из вопросов, который предстояло решить нашей команде, сотрудникам Института, – о названии еще не родившегося издания. При этом мы понимали, что оно может впоследствии выступить и как в качестве идейного «прокрустова ложа», так и его настоящего органического начала, способного сплотить, но не ограничить историков «разных мастей», археологов, культурологов и филологов... Бурное коллективное творчество породило более 20 вариантов названий для журнала и оживленную творческую дискуссию. Судите сами: «Время историческое», «Исторический форум», «Историк и время», «Исторический навигатор», «Исторический нарратив», «Манускрипт», «Палимпсест», «Новое историческое обозрение», «Новая история», «Стилос», «Хронограф», «Homini tempus», «Nova fabula», «Past Indefinite», «Tempus et spatium» и даже «Прошлое №...». Невооруженным глазом было заметно, что профессиональная специализация участников обсуждения влияла на индивидуальные предпочтения многих из нас, отраженные в перечне рабочих названий. Требовалось что-то иное... Достаточно быстро, к слову сказать, нами было решено отказаться от латиноязычных вариантов названия, поскольку залог академичности издания виделся в другом. Кроме того, известная доля нашей общей рефлексии была связана с тем, что, создавая журнал в региональном научном пространстве, его изначально хотелось видеть без определяющих или даже существенных признаков регионального (провинциального) издания.

¹ В цитате сохранены авторская орфография и пунктуация.

Среди других обсуждаемых вариантов свое место занял и этот – «Новое прошлое», к которому не вполне «естественным» образом вскоре добавилась вторая, англоязычная, часть названия. Пожалуй, известные опасения были здесь связаны с возможными аллюзиями нашей будущей читательской аудитории на названия давних и авторитетных научных изданий – «The Past» и «The Past and Present». Смысл названия, однако, в другом: образы прошлого, наши представления о прошлом всегда оказываются и будут новыми в процессе повествования об истории (рассказывания истории), во многом зависящего от исторического воображения исследователя. При этом *переписывание истории* – и как форма достижения новых знаний о прошлом, и как форма воспоминаний о прошлом, и как коммуникация с прошлым – не проявление постмодернистской парадигмы, а необходимое условие расширения «территории историка» и поиска новых оснований для нашего диалога с прошлым, в т.ч. с помощью нового языка науки. При таком отношении к прошлому мы полагаем естественным «появление» в историческом пространстве новых персонажей и сюжетов, ранее незаметных или неинтересных для сторонников доминировавших концепций и моделей. Пространство прошлого для нас – своеобразный палимпсест, в несогласованных текстах которого, полустертых или явно читаемых, отражен человеческий мир и живой человеческий опыт. В ходе изучения одних текстов, с которыми историки действительно «обречены иметь дело», могут быть не замечены, найдены и утрачены (уничтожены) другие тексты. Со значительной долей вероятности можно полагать, что это может негативно сказаться на рассказе об истории каждым последующим поколением историков, на надежности «будущих проекций прошлого» (по Г. Мартину). Нас, авторов и участников издательского проекта, предлагаемого вашему вниманию, объединяет, прежде всего, следующее: история рассматривается не как раз и навсегда совершенное явление или факт, а как то, что рождается в лаборатории исследователя, в результате использования им определенных методов и техник взаимодействия с прошлым. И в этом смысле оно для нас – всегда новое прошлое. Нам хотелось бы раз за разом по-новому определять то неопределенное (в силу невозможности абсолютно верной и «настоящей» реконструкции), что именуется «прошлым».

Развитие современного российского гуманитарного знания характеризуется двумя, на первый взгляд, взаимоисключающими тенденциями. С *одной стороны*, последние десятилетия ознаменовались не только резко возросшим объемом опубликованных исследований по различным проблемам истории, а также значительной поляризацией этих работ в отношении качества научной аргументации, но и увеличением числа периодических изданий, которые позиционируют себя как исторические или гуманитарные. Эта тенденция отразила изменение общественного климата, связанное с известными политическими процессами, также как и внутреннюю логику развития самой профессиональной историографии.

Вторая половина XX в. ознаменовалась многочисленными эпистемологическими «поворотами», которые привели к качественному расширению поля взаимодействия истории с другими гуманитарными и социальными науками, породили новые

объекты и методы исторического познания, равно как и новые формы репрезентации знания о прошлом. Кроме того, мы должны учитывать и фактор глобализации последних десятилетий, которая имеет не только очевидные экономическое и политическое измерения, но и по-новому форматирует социокультурное пространство, приводя, в частности, к радикальному ускорению научных коммуникаций, в т.ч. международных.

Утраченное историками в ситуации постмодерна монопольное право на рассказывание истории, появление многих новых акторов, использовавших возможность артикулировать собственные – ранее маргинальные или вообще репрессированные – версии прошлого, активное освоение массовой культурой исторических образов в развлекательных и коммерческих целях лишили историю ее эстетической и гедонической функции. Давайте признаемся в том, что широкая публика давно перестала извлекать удовольствие из академических текстов. Существенно пошатнулось доверие общества к профессиональному историческому знанию. Кроме того, «когда профессиональная историография дискредитирует себя в глазах общества – из-за систематических искажений, умолчаний, или просто отчуждающе-схематичного стиля письма – люди обращаются непосредственно к памяти в поисках сокровенной правды о прошлом» [От составителей, 2013, с. 3]. Помимо удовлетворения различных форм интереса к истории, подобные общественные практики, к сожалению, способны порой вписаться в парадигму этнического национализма, не только легитимизируя его, но и впитывая его паранаучную аргументацию. При этом в открытой для общества и с участием общества борьбе за прошлое, в которой противоборствующие группировки активно используют «исторические аргументы», профессиональные историки часто проигрывают.

Уязвимость профессиональной науки заключается еще и в том, что «формирование в обществе новых ценностных ориентиров не только отражается на исходных предпосылках историка и постановке им научных проблем, но во многом определяет и потенциальные результаты его познавательной и творческой деятельности» [Репина, 2011, с. 11]. Наконец, имидж истории как весьма «нестрогой» науки, ее бесконечный ререйтинг, участие историков в поставках «материала» для конструирования властных идеологий и для решения задач этнической мобилизации – как в советское время, так в постсоветский период – кардинально изменили образ исторической науки в общественном сознании.

Все эти обстоятельства сделали практически неизбежными принципиальные изменения в профессиональной исторической культуре, поиски нового общего языка с широкой публикой и заключение новых этических и ремесленных конвенций внутри сообщества историков. Разумеется, часть профессионального цеха осталась нечувствительной к теоретическим и методологическим исканиям XX века, сохраняя верность уютной парадигме классического историзма или вообще отрицая центральное место эпистемологических проблем. Как и их предшественники, они, по меткому сравнению А. Мегилла, относились к теории «с высокой долей недоверия, видя в ней нечто вроде кукушки в гнезде историка» [Мегилл, 2012, с. 24]. Вместе

с тем водораздел между теорией, философией и методологией истории сегодня не столь значим для современной практики исторических исследований: «зачастую... они переплавляются в единую метатеорию, верифицируемость которой определяется не строгой приверженностью одному из выбранных теоретико-методологических подходов, а их, на первый взгляд, абсурдному синтезу и парадоксальному взаимоисключению» [Хлынина, 2005, с. 183].

Получив доступ гораздо более широкий, чем в предшествующие десятилетия XX в., к результатам мирового историографического поиска, российское историческое знание чрезвычайно интенсивно и в очень сжатые сроки стало адаптировать те достижения гуманитаристики, которые накапливались десятилетиями, не особенно вдаваясь в сложные основания различных теорий, не давая себе труда критически осмыслить перипетии интеллектуальных дискуссий, развернувшихся на Западе. В который раз за последнее столетие российские ученые без особой критики стали воспринимать мировую историографическую традицию, откликаясь на ее многочисленные «повороты» и адаптируя их к своим, в общем-то, достаточно традиционным, техникам исследования. Такое несовпадение «ремесленного традиционализма» и увлечения новомодными теориями привело к своего рода «анахронизмам» исторического знания, когда одно и то же исследование могло строиться на взаимоисключающих теоретических основаниях, которые, к тому же, получали достаточно вольную трактовку. Подобная траектория развития современной российской гуманитаристики, в т.ч. исторической науки, небезосновательно привела к состоянию, провокативно описанному на страницах «Антропологического форума» в категориях «провинциальной» и «туземной» науки [Провинциальная и туземная наука, 2013, с. 11–238; Соколов, Титаев, 2013, с. 239–275].

Одним из ярких проявлений этой тенденции стало всеобщее увлечение междисциплинарностью, которое встретило достаточно критическое отношение со стороны традиционно настроенных представителей профессионального цеха. Несмотря на то, что мало кто сегодня оспорит сам подход, согласно которому пространство гуманитарного знания имеет все признаки целостности, а любое социальное явление принадлежит разным сферам общественной жизни, а значит, лучше всего может быть понято именно на пересечении различных исследовательских перспектив, конкретные формы применения этого принципа могут различаться. Отражением различных подходов к изучению дисциплинарного пограничья и вариантов междисциплинарного взаимодействия стали исследования Л.П. Репиной, М.Ф. Румянцевой и других ученых [Междисциплинарные подходы, 2005; Румянцева, 2007; Репина, 2011]. Так, Л.П. Репина отмечает «важнейшие качественные отличия в применяемых... подходах: если под “междисциплинарностью” понималось главным образом заимствование теорий и методов других наук для решения внутродисциплинарных проблем, то “трансдисциплинарным” называется подход, при котором сама проблема исследования не может быть решена в границах любой из сотрудничающих дисциплин» [Репина, 2011, с. 29]. Излишне говорить о том, что объединение всех этих подходов под крышей «междисциплинарности» лишь запутывает ситуацию.

Такое многообразие практик историописания, помноженное на достаточно некритическое отношение к самому ремеслу исследователя, определило **вторую тенденцию**, которой характеризуется современное российское историческое знание. Несмотря на множество публикуемых работ, в обществе существует достаточно сильный запрос к познанию прошлого, как правило, редуцированный до уровня: «А как это было в действительности?». Приведенный в начале нашей статьи комментарий отражает именно эту тенденцию убежденности, что существует некое правдивое, «настоящее» прошлое, которое осознанно, в рамках какой-то конъюнктуры, или же неосознанно скрыто от глаз обывателя. При этом требование показать «настоящее прошлое» не связано с политической ориентацией. Очевидно, что автор процитированного комментария относит себя к тем критикам власти, которые не удовлетворены очередным переписыванием истории. Справедливости ради надо отметить, что мнение о существовании некоего «идеального прошлого» и «всего лишь» недостаточности наших средств его репрезентации сегодня разделяет и какая-то часть профессионального исторического сообщества.

Подобный запрос на «истинную историю», очевидно, имеет в своем основании две предпосылки. Первая – сугубо научная, исходящая из того позитивистского представления, что история есть совокупность фактов и деяний, к раскрытию которых и сводится задача историка. Стремление истории заявить о себе как об «истинной науке», покоящейся на прочных и доказуемых основаниях, коими являются исторические факты, обуславливает излишне рьяное отношение к отдельным свидетельствам прошлого, которые возводятся в культ. И то, что ежегодная конференция Американской ассоциации славянских и восточно-европейских исследований (ASEEES), прошедшая в ноябре 2015 г. в Филадельфии, носила простое и столь красноречивое название «Факт», свидетельствует о неоднозначном положении самого исторического знания.

В российском же контексте ситуация с исторической наукой усложняется еще и внеакадемическими причинами, связанными с тем значением, которое придается истории. Не вдаваясь в детали политического контекста обращения к прошлому, отметим только, что излишнее внимание со стороны власти к истории едва ли более полезно, чем полное ее игнорирование. Сам дискурс, сопровождающий нынешние российские «бои за историю», словно бы предполагает некую абсолютно верную совокупность фактов, которая и составляет прошлое нашей страны. Призыв продемонстрировать их и обращен властью к профессиональному сообществу, что не может не вводить в заблуждение и широкую публику.

Помимо этой совокупности факторов, относящихся, скорее, к макроуровню и обеспечивших предпосылки для появления нового научного журнала, первый номер которого представлен читателю, существуют еще и региональные, связанные с развитием ростовской исторической школы. Начиная со второй половины XX в. в Ростове-на-Дону сложилось научное направление, главным предметом внимания которого стало даже не само прошлое, а скорее практики взаимодействия с ним. Наиболее ярким представителем этой школы был доктор исторических

наук, профессор Александр Павлович Пронштейн, оставивший целый ряд работ, посвященных источниковедению российской, в т.ч. региональной, истории [Пронштейн, Лубский, 1982; Пронштейн, Данилевский, 1986; Пронштейн, 1989; Пронштейн, 1991]. В рамках ростовской исторической школы и на основаниях, предложенных А.П. Пронштейном, сегодня выполняются исследования, связанные с изучением механизмов формирования идентичностей, национального самосознания, межкультурных стереотипов и исторической памяти. Эти и другие вопросы оказались подняты на Всероссийской научно-практической конференции «Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого)» (г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.).

Осознавая ответственность, проистекающую, прежде всего, из того, что в настоящее время существуют десятки, если не сотни, изданий, именующих себя научными журналами в сфере гуманитарного знания, а также тот резко возросший интерес к истории, который лишь отчасти сводим к политическому заказу, редколлегия ставит перед собой двоякую задачу. Во-первых, мы хотели бы создать площадку для обсуждения вопросов, связанных не только с содержанием и спецификой исторического, и даже шире – гуманитарного знания, но, скорее, привлечь к обсуждению этих вопросов представителей самых разных областей научного знания: филологов, философов, культурологов, социологов и многих других.

Понимая, что вопрос о статусе и содержании гуманитаристики не может быть решен на абстрактном уровне, мы готовы предложить пространство для обсуждения «метавопросов», не ограниченных территориальными или хронологическим рамками, но в то же время имеющих вполне исторический характер. В самом деле, проблемы того, как и почему мы помним, вопросы жизни и смерти или войны и мира, хотя и имеют вневременное значение, обладают, тем не менее, спецификой на каждом этапе развития общества и в каждом социокультурном пространстве.

Кроме того, эти «метавопросы» в контексте конкретного исследования, как мы надеемся, побуждают каждого из авторов рефлексировать по поводу современной эпистемологической повестки. Ведь они предполагают постановку вопросов о границах и условиях исторического знания, познавательных возможностях нарратива и условиях его создания, места воображения и вымысла в реконструкции прошлого, историографической техники как опосредующей отношения между предполагаемой реальностью и способом ее интерпретации, дихотомии реальности текста, которую мы исследуем, и эмпирической реальности, существующей вне его и к нему несводимой.

Все прежние издательские проекты ростовской исторической школы, которые, как мы полагаем, достаточно широко известны и получили признание академического сообщества [Человек второго плана... 2004–2008; Британские исследования, 2006–2014; Cogito... 2006–2015; В тени великих... 2010; Слава и забвение... 2014], в т.ч. были направлены на решение этих проблем. Уже в их названиях отражено

стремление не просто «отыскивать» прошлое, «таящееся» в архивах и «отраженное» в исторических источниках. Скорее, речь идет о попытке предложить свое объяснение факторам, движущим историческим процессом – будь то «люди второго плана» или трансляция идеи. Предлагая различные рамки и исследовательские оптики, с помощью которых историк может познавать прошлое, ростовские ученые раз за разом стремятся показать, что история не сводима к сумме надежно установленных исторических фактов, а точнее представляет собой пространство взаимодействия между историком и прошлым, которое он изучает. И это взаимодействие разворачивается в творческой лаборатории исследователя, который уже самим фактом постановки вопроса провоцирует исторический источник словно заговорить.

Так, в рамках проекта «Человек второго плана в истории» мы начинали «просто» с биографической реконструкции и релевантного ее задачам микроисторического инструментария, но неизбежно выходили на теоретико-методологические проблемы – от раскрытия эвристического потенциала киноведческой метафоры (и метафоры в пространстве исторического исследования как таковой) до дискуссий по поводу «второго плана» как обусловленного социокультурными обстоятельствами или нарративной позиции, определенной замыслом автора и его риторическим арсеналом.

Предоставляя площадку для открытой дискуссии, авторы проекта «Новое прошлое/The New Past» не хотели бы ограничиться приглашением к диалогу только профессиональных историков. Для нас важно другое: если история как прошлое не сводима к какой-то заданности, а являет собой поле взаимодействия различных сил – индивидуальных и коллективных, социальных и политических, традиционных и новаторских – то история как текст тоже должна следовать этой логике, открывая возможность дискуссии для представителей самых различных дисциплин, научных направлений и позиций.

С этим связана вторая задача, которую мы ставим перед собой. Реализовав целый ряд издательских проектов, организовав за последние годы едва ли не дюжину конференций, посвященных изучению прошлого в самых различных его проявлениях, таких как «Границы и пограничье в южнороссийской истории», «Национализм в цифровом пространстве», «Человек второго плана в истории», «Университет в меняющемся мире», «Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития» и многие другие, мы были объединены осознанием того, что прошлое, транслированное в настоящее, способно принимать самые разные формы, и в этом смысле оно тоже всегда «новое». Показательно, что многие докладчики «архивной» конференции задавались вопросами не о том, насколько широки эвристические возможности фондохранилищ на Юге России, а о том, как такие публичные институты, как музеи, архивы и библиотеки, способствуют формированию и трансляции определенных массовых исторических представлений? Насколько целенаправленно и эффективно документальная база используется государством и обществом в качестве ресурса исторической памяти, «настоящего»

основания для национальной истории или для общих воспоминаний? Почему т.н. архивные революции (по крайней мере, на российском материале XX в.) так часто совпадали с самыми существенными социально-политическими трансформациями государства?

Таким образом, мы стремимся к созданию научной сети исследователей, осознающих постоянную и непреходящую новизну былого. При таком подходе «седая древность» получает право на молодость каждый раз, когда она попадает в мастерскую исследователя. В данном случае речь идет о коммуникации с прошлым, предполагающей, скорее, взаимный диалог историка и источника, чем допрос, которому подвергается источник на предмет установления истины. Ведь хорошо известно, что зачастую допрашивающий приступает к выяснению истины, уже имея перед собой ответы, которые он хотел бы получить. Стремясь избежать ситуации предначертанности прошлого, авторы проекта рассматривают историю как поле коммуникации не только между разными действующими силами былого, но и как диалог исследователя и прошлого, осуществляемый посредством исторического источника. Сохраняя за историей право на свободное высказывание, авторы проекта полагают роль исследователя как того, кто актуализирует прошлое, делая это не в категориях «политической повестки дня», а, скорее, в социальных рамках памяти и категориях языка. Следуя динамике развития языка как главного ресурса репрезентации, эволюционирует и наше прошлое, каждый раз являя себя в новом качестве и с новым содержанием.

Позиция, согласно которой история – это в первую очередь практика коммуникации с прошлым, в радикальном своем выражении предполагает, что история – это мыслительная конструкция, которая абстрактна, но легитимна и ценна для некоего сообщества, что историей является любой дискурс о прошлом, что нарративов может быть много, и все они истинны. И это обстоятельство заставляет нас сделать важную оговорку: все это не отменяет обязательность профессиональных стандартов исторического ремесла, которым должно соответствовать каждое исследование: «Однако то, что историческое объяснение не соответствует жестким критериям научности в ее традиционном понимании, восходящем ко второй половине XIX века, не делает историческое познание менее строгим в плане соответствия высоким профессиональным стандартам и, тем более, не оставляет его невостреванным» [Репина, 2011, с. 17].

Понимание прошлого как текста, вышедшего из-под пера исследователя, роднит историю с литературой и филологией – родство, установленное задолго до того, как история и филология получили право именоваться науками. Отчасти именно этим объясняется то, что тема каждого из номеров журнала «Новое прошлое/The New Past» будет иметь литературные аллюзии. Помимо этого, осознавая условность дисциплинарных границ гуманитарного знания, мы используем литературные аллюзии в тематике номеров в качестве способа актуализации научных проблем, одинаково интересных историку и филологу, археологу и социальному антропологу, философу и культурологу, каждый из которых создает свои профессиональные

тексты о прошлом. Еще раз отметим наше отношение к тексту как к концептуальной основе для исторических реконструкций. Именно с их помощью, по выражению Ю.М. Лотмана, извлекается «внетекстовая реальность»; именно «текст – первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [Бахтин, 1986, с. 308]. Наконец, апеллируя к литературным аллюзиям, которые, надеемся, и составят в будущем основу для ежегодной издательской программы, мы в который раз акцентируем внимание на том, что история – тоже форма наррации, композиционно и по иным основаниям соотносимая с литературными формами. Кроме того, нам бы хотелось еще и еще раз подчеркнуть, что именно история и литература являются хранителями коллективной памяти, транслируют и одновременно искажают ее. Аберрация памяти является естественным и неизбежным явлением в процессе синхронной и диахронной коммуникации, что связано не только с политической ангажированностью, но скорее с самим коллективным характером этой памяти, что делает ее заложницей социокультурного контекста, подвергаемого разнонаправленным воздействиям.

Именно проблематикой коллективной памяти объясняется выбор темы для первого номера журнала. Безусловно, выражение «Чтобы помнили» – в нашем случае не императив, а скорее признание того факта, что коллективная память является не только интегрирующим элементом общества, но и предметом управления, что воплощается в феномене политики прошлого. Хотя в самые последние годы интерес к проблематике исторической памяти будто бы угас, только что опубликованная на русском языке монография А. Ассман словно объясняет этот упадок, но вместе с тем дает исследованиям памяти новый шанс на развитие [Ассман, 2016].

Полагая прошлое в качестве продукта деятельности историка, находящегося в точке, отстоящей на некотором временном расстоянии от предмета своего изучения, мы стремимся раскрыть каналы коммуникации между ними. Вопрос о том, как формируется историческая память, в этой связи является столь же важным, как и проблема того, каково содержание наших представлений о прошлом.

Эволюционируя вместе с самим обществом, практики припоминания способны объяснить механизм культурного воспроизводства, и они не сводимы лишь к политической обусловленности, а являются частью более широкого социокультурного контекста, который определяет, что и как мы помним. Огромную роль в конструировании социальной памяти, конечно, играет государство, манипулируя прошлым и добиваясь самыми разнообразными методами «национализации масс» [Шнирельман, 2006, с. 540–541].

Вместе со способностью помнить навыки забывания также являются жизненно важной общественной практикой. На эту способность социального организма обратил внимание еще Э. Ренан в своей знаменитой лекции «Что такое нация», прочитанной в Сорбонне в 1882 г. [Ренан, 1902]. По мнению французского мыслителя, сам процесс нациестроительства основывается на исторической памяти. Как и припоминание, забвение может являться предметом мемориального менеджмента,

но в целом в нем проявляется защитная реакция социального организма. По мнению П. Коннертона, зачастую способность забывать является более важным механизмом, чем способность помнить [Connerton, 2009]. В любом случае, забвение не менее функционально, чем социальная память, с особой силой подчеркивая групповые интересы и групповую идентичность [Шнирельман, 2006, с. 532].

Как и человек, травмированный сложным воспоминанием, пытается вытеснить его из памяти, общество зачастую сталкивается с аналогичной проблемой, и в целях устранения преград для дальнейшего развития встает перед необходимостью заключения «пакта с прошлым», примирения с ним. В определенном смысле, такой «договор с прошлым» является фактором общественной безопасности, а сама историческая память полагается в качестве ресурса секьюритизации. Память и забвение, таким образом, не могут рассматриваться как противоположные процессы или механизмы, скорее, они являются двумя основами мемориальной культуры. Эти вопросы, как и многие другие, стали предметом исследования в материалах первого выпуска журнала.

Все мы – прилежные ученики позднесоветской школы, а потому знаем, что необходимо, и в плане смысловом, и в стилистическом, закончить наш текст возвращением к его началам, что придает высказыванию композиционную завершенность и некоторое изящество авторскому замыслу. Так и поступим. Мы будем польщены, если наш потенциальный интернет-читатель, невольно процитированный в начале статьи, откликнется на первый номер журнала «Новое прошлое/The New Past» лаконичным – «этопать!». ►

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с. Британские исследования. Вып. 1–4. Ростов н/Д: ЮФУ, 2006–2014.
- В тени великих: образы и судьбы: сборник статей. СПб.: Алетейя, 2010. 400 с.
- Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский остров, 2004. 622 с.
- Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна» / отв. ред. Л.П. Репина. М.: «Кругъ», 2005. 720 с.
- Мегилл А. Роль теории в историческом исследовании и историописании // Историческая наука сегодня. Теории. Методы. Перспективы / под ред. Л.П. Репиной. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2012. С. 24–40.
- От составителей // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сб. статей / отв. ред.: А. Семенов, И. Герасимов, М. Могильнер. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 7–9.

- Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 11–238.
- Пронштейн А.П., Лубский А.В. Некоторые теоретические и методические проблемы источниковедения массовых источников // Источниковедение отечественной истории: сборник статей. М.: Наука, 1982. С. 3–36.
- Пронштейн А.П., Данилевский И.Н. Вопросы теории и методики исторического исследования: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1986. 208 с.
- Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха феодализма / отв. ред. И.Д. Ковальченко. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1989. 416 с.
- Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха капитализма / отв. ред. И.Д. Ковальченко. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1991. 672 с.
- Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собр. соч. В 12-ти томах / пер. с фр.; под ред. В.Н. Михайловского. Киев, 1902. Т. 6. С. 87–101.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: «Кругъ», 2011. 560 с.
- Румянцева М.Ф. Целостность современного гуманитарного знания: необходимость и возможность // Единство гуманитарного знания: новый синтез / отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 2007. С. 41–49.
- Слава и забвение: парадоксы биографики: сборник статей. СПб.: Алетейя, 2014. 544 с.
- Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.
- Хлынина Т.П. [Рец.]. Мининков Н.А. Методология историка: пособие для начинающего исследователя. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. 252 с. // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1. С. 181–184.
- Человек второго плана в истории. Вып. 1–5. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2004–2008.
- Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 696 с., ил.
- Sogito. Альманах истории идей. Вып. 1–6. Ростов н/Д: Foundation, 2006–2015.
- Connerton P. How Modernity Forgets. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 149 p. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=949777555103061&id=100002124767757&comment_id=950184571729026&comment_tracking=%7B%22tn%22%3A%22R0%22%7D (дата обращения: 08 декабря 2015 г.).

REFERENCES

- Assmann A. Noye nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj [The New memorial discontent culture]. Translation from German by B. Khlebnikov. Moscow: New literary observer Publ., 2016. 232 p. (in Russian).
- Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Vol. 2. Moscow: Iskustvo Publ., 1986. 445 p. (in Russian).
- Britanskije issledovanija [British studies]. Vol. 1–4. Rostov-on-Don: SFedU, 2006–2014 (in Russian).
- V teni velikih: obrazy i sud'by [In the shadow of greats: the imagery and fate]. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2010. 400 p. (in Russian).
- Lowenthal D. Proshloe – chuzhaja strana [The Past is a Foreign Country]. Translation from English by A.V. Govorunov. St. Petersburg: Russkij ostrov Publ., 2004. 622 p. (in Russian).

Megill A. Rol' teorii v istoricheskom issledovanii i istoriopisanii [Role of theory in historical studies and history-writing], in *Istoricheskaja nauka segodnja. Teorii. Metody. Perspektivy* [History studies today. Theories. Methods. Perspectives]. Ed by L. Repina. Second Edition. Moscow: LKI Publ., 2012. P. 24–40 (in Russian).

Mezhdisciplinarnye podhody k izucheniju proshlogo: do i posle "postmoderna" [Interdisciplinary approaches to the study of the past: before and after "postmodern"].

Resp. edit. by L.P. Repina. Moscow: Krug Publ., 2005. 720 p. (in Russian).

Ot sostavitelej [Introduction], in *Imperija i nacija v zerkale istoricheskoy pamjati* [Empire and Nation by means of historical memory]. Collection of Essay. Ed by A. Semenov, I. Gerasimov, M. Mogilner. Moscow: New Literary Review Publ., 2013. P. 7–9 (in Russian).

Provincial'naja i tuzemnaja nauka ["Provincial" and "Indigenous" Scholarship], in *Antropologicheskij forum*. 2013. Vol. 19. P. 11–238 (in Russian).

Pronshteyn A.P., Lubskiy A.V. Nekotorye teoreticheskie i metodicheskie problemy istochnikovedenija massovyh istochnikov [Some theoretical and methodological problems of source studies of mass source], in *Istochnikovedenie otechestvennoj istorii* [Source studies of Russian history]: Proceedings. Moscow: Nauka Publ., 1982. P. 3–36 (in Russian).

Pronshteyn A.P., Danilevsky I.N. Voprosy teorii i metodiki istoricheskogo issledovanija: Uchebnoe posobie [Questions of theory and methodology of historical research: manual]. Moscow: Higher school Publ., 1986. 208 p. (in Russian).

Pronshteyn A.P. Istochnikovedenie v Rossii. Epoha feodalizma [Source in Russia. The Era of Feudalism]. Resp. edited by I.D. Kovalchenko. Rostov-on-Don: RSU Publ., 1989. 416 p. (in Russian).

Pronshteyn A.P. Istochnikovedenie v Rossii. Epoha kapitalizma [Source in Russia. The Era of Capitalism]. Resp. edited by I.D. Kovalchenko. Rostov-on-Don: RSU Publ., 1991. 672 p. (in Russian).

Renan E. Chto takoe nacija? [What is a nation?], in Renan E. *Sobr. soch. V 12-ti tomah* [Renan E. Coll. Works in the 12 volumes]. Translated from French by V.N. Mikhailovsky. Kiev, 1902. Vol. 6. P. 87–101 (in Russian).

Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv. Social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika [History at the turn of XX–XXI centuries. Social theories and historiographical practices]. Moscow: Krug Publ., 2011. 560 p. (in Russian).

Rumyantseva M.F. Celostnost' sovremennogo gumanitarnogo znanija: neobhodimost' i vozmozhnost' [Integrity of Modern humanitarian knowledge: the necessity and possibility], in *Edinstvo gumanitarnogo znanija: novyj sintez* [The Unity of the Humanities: a New synthesis]. Ed. by M.F. Rumyantseva. Moscow: RSUH Publ., 2007. P. 41–49 (in Russian).

Slava i zabvenie: paradoksy biografiki [Glory and oblivion: the paradoxes of biographycs]. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2014. 544 p. (in Russian).

Sokolov M., Titaev K. Provincial'naja i tuzemnaja nauka ["Provincial" and "Indigenous" Scholarship], in *Antropologicheskij forum*. 2013. Vol. 19. P. 239–275 (in Russian).

Hlynina T. [Rev.]. Mininkov N.A. Metodologija istorika: posobie dlja nachinajushhego issledovatelja [Mininkov N.A. Methodology of historian: handbook for beginners]. Rostov-on-Don: NCSCS Publ., 2004, in *Gumanitarnaja mysl' Juga Rossii* [Studies in Humanities of South of Russia]. 2005. Vol. 1. P. 181–184 (in Russian).

Chelovek vtorogo plana v istorii [Person of the second plan in History]. Vol. 1–5. Rostov-on-Don: RGU-YuFU, 2004–2008 (in Russian).

Shnirel'man V.A. Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke [Be the Alans: intellectuals and politics in the North Caucasus in XX century]. Moscow: New Literary Review Publ., 2006. 696 p., ill. (in Russian).

Cogito. Al'manah istorii idej [Cogito. Almanac of the History of Ideas]. Vol. 1–6. Rostov-on-Don: Foundation, 2006–2015 (in Russian).

Connerton P. How Modernity Forgets. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 149 p. Available at: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=949777555103061&id=100002124767757&comment_id=950184571729026&comment_tracking=%7B%22tn%22%3A%22R0%22%7D (accessed 08 December 2015).